

ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

УДК 63.3 (4Вел)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕПИСКОПАТА В ЦЕРКВИ АНГЛИИ В XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В.Н. Ерохин

Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
кафедра документоведения и всеобщей истории
E-mail: volodja@intramail.ru

Статья посвящена рассмотрению работ современных британских историков, обращавшихся к изучению экономических аспектов Реформации в Англии. В современной британской историографии Реформация трактуется в первую очередь как явление религиозно-политической истории, что является характерным для консервативного и либерального направлений британской историографии. В то же время во второй половине XX в. в работах некоторых британских историков (в частности, К. Хилла, Ф. Хембри, Ф. Хил) на основе обращения к методологическим подходам социальной истории было показано, что рассмотрение экономических причин и аспектов Реформации дает возможность углубить понимание религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв.

Ключевые слова: современная британская историография, консервативное и либеральное направления, социальная история, Реформация в Англии, экономические аспекты религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв.

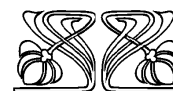
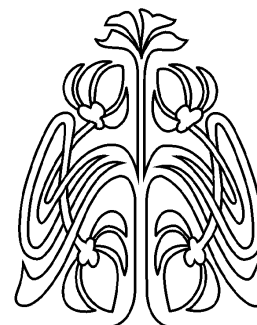
Contemporary British Historiography on the Economic Status of Bishops of the Church of England in 16th – Early 17th Centuries

V.N. Yerokhin

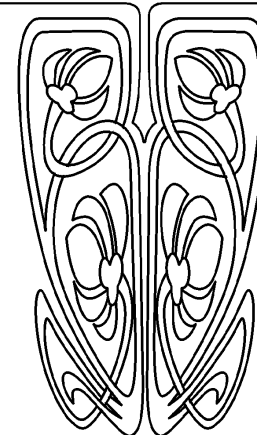
The article deals with the works of contemporary British historians who turned their attention to the economic aspects of the Reformation in England. The contemporary British historiography understands the Reformation primarily as a phenomenon of religious and political history that may be seen in the works of British conservative and liberal historians. At the same time some British historians of the second half of the 20th century (Ch. Hill, Ph. Hembry and F. Heal in particular) relying upon the methodological approaches of the social history showed in their works that the analysis of economic reasons and aspects of the Reformation enables to get more deep understanding of the religious and political history of England in 16th–17th centuries.

Key words: the contemporary British historiography, conservative and liberal historians, the social history, the Reformation in England, the economic aspects, the religious and political history of England in 16th–17th centuries.

Изучение истории Реформации в Англии в британской историографии является одной из важных исследовательских проблем, которые из поколения в поколение не выходят из сферы внимания историков. Представители консервативного и либерального направлений в британской историографии традиционно рассматривали Реформацию как явление религиозно-политической истории и уделяли главное внимание характеристике политических событий, религиозных идей эпохи английской Реформации, не обращая специально к изучению социально-экономического фактора в происхождении и ходе Реформации. В то же время первые попытки экономического подхода к трактовке Реформации в Англии восходят еще к XIX в. Фактически, первым примером исследования Рефор-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

мации с экономической точки зрения стала книга радикального журналиста и политического деятеля в Англии первой трети XIX в. Уильяма Коббетта (1763–1835) «История протестантской Реформации в Англии и Ирландии» (1824–1827) с подзаголовком «показывающая, как Реформация разорила большую часть населения этих стран». Первые попытки социально-экономической трактовки истории религиозной Реформации в Англии, таким образом, демонстрировали стремление использовать этот исторический материал для радикальной по содержанию политической пропаганды.

Британские историки глубоко изучили организационную структуру церкви Англии в XVI–XVII вв. Ко времени начала Реформации в 1534 г. в церкви Англии в Кентерберийской (18 английских епархий и 4 епархии в Уэльсе) и Йоркской (епархии Йорк, Дарем и Карлайл) церковных провинциях на территории Англии и Уэльса насчитывалось примерно 9,5 тыс. приходских церквей. В начале же XVII в. в церкви Англии было 27 епархий. Священников из белого духовенства было примерно 40 тыс. человек. Накануне Реформации в Англии и Уэльсе было 840 монастырей, средний годовой доход которых составлял примерно 200 фунтов, а в наиболее богатых монастырях превышал 1,5 тыс. фунтов чистого дохода. Все духовные лица в стране (белое духовенство и монашество) составляли примерно 60 тыс. человек – около 1/40 части населения. Священники-мужчины, служившие в приходах и часовнях, составляли примерно 50 тыс. человек – это было 4% мужчин в стране¹.

К середине XX в. в британской историографии стала превращаться в заметное явление социальная история, испытывавшая значительное влияние марксистской методологии исторического исследования. Крупнейшим историком, исповедовавшим методологические подходы социальной истории в изучении Реформации в Англии, в современной британской историографии с 1950-х гг. стал Кристофер Хилл (1912–2003), создавший ряд важных работ².

Крупнейшая из работ К. Хилла, в которой рассматривались вопросы истории Реформации в целом с экономической точки зрения – «Экономические проблемы церкви. От архиепископа Уитгифта до Долгого парламента» (1956)³. В этой работе К. Хилл предложил экономическую трактовку Реформации в Англии. Реформация Генриха VIII, как писал К. Хилл, довела до бедности церковь и ослабила ее в политическом отношении. При диссолюции монастырей в 1536–1539 гг. в распоряжение короны перешли земли, приносящие чистый годовой доход в размере более 136 тыс. фунтов, а также слитки золота и серебра, посуда, ценности стоимостью до 1,5 млн фунтов. К. Хилл обращал внимание на факты по этому вопросу, собранные у А.Н. Савина⁴. Размеры доходов монастырей в его работе, как считал К. Хилл, видимо, даже недооценены. Значение диссолюции

монастырей становится понятнее, если иметь в виду, что до 1542 г. королевские доходы от земли никогда не превышали 40 тыс. фунтов в год⁵. С потерей монастырской собственности церковь потеряла право представлять священника в приход примерно в 40% приходов. До диссолюции монастырей в палату лордов парламента входили аббаты, и духовные лица имели в верхней палате английского парламента абсолютное большинство, а в результате разрыва с Римом епископы стали более зависимы от короны. В результате Реформации ослабли политические возможности и уважение к церкви: народ узнал, что церковная собственность, оказывается, не является священной – традиционные церковные институты могут исчезнуть, а мир при этом стоит, как стоял.

Церковь из-за своей постреформационной зависимости от короны была вынуждена смириться с тем, что монархи на льготных условиях по низкой арендной ставке сдавали землю в аренду придворным, таким способом оплачивая их службу монархии. Сами епископы и соборные капитулы довольно легко предоставляли церковную землю в аренду знати и джентри тех епархий, которыми они управляли, поскольку искали у землевладельцев поддержки в местных делах. Епископы стали взимать большие вступительные файлы, которые обогащали их лично⁶. В целом можно утверждать, что церковные земли сдавались в аренду по заниженной цене⁷.

К. Хилл разбирал свидетельства современников о размерах дохода епископов, предполагавших в 1600–1620-х гг., что 26 епископов (не считая архиепископа Кентерберийского и доходы его епархии) вместе получают доход примерно 23–26 тыс. фунтов в год, исключая доходы за те должности, которые епископы держали по совместительству⁸. Но в результате продажи земель епископов в ходе Английской революции после 1646 г. было выручено, по крайней мере, 676 387 фунтов, что в три раза превосходило сумму ренты с земель епископов. Доходы с земель соборных капитулов оценивали в 4 500 фунтов в год, а продали эти земли после 1649 г., по крайней мере, за 455 621 фунт. Это могло быть или свидетельством недооценки данных земель современниками, или же земли соборных капитулов сдавались в аренду по еще более заниженным ценам, чем земли епископов. К тому же эти земли предлагались к продаже по более высокой цене, но на переполненном предложениями земельном рынке были проданы по более низкой⁹.

При экономических трудностях, отмечал К. Хилл, епископы продавали лес. Церковными землями управляли и получали доходы арендаторы, и никто теперь на этих землях не помогал бедным, не оказывал гостеприимства, не ремонтировал дороги и мосты. Действующим лицом в сельской местности становился тот, кто непосредственно организовывал процесс производства – йомен, арендатор, фабрикант-суконщик¹⁰. К. Хилл считал,

что ограбление церкви в Англии в результате Реформации привело к тому, что в стране не происходил заметный рост налогообложения. Но недостаточность денежного содержания священников часто отвращала способных людей от церковной службы, что стало серьезной проблемой¹¹.

Падение роли и авторитета церкви ощущали современники, писавшие о грабеже церкви и о том, что у нее еще есть средства, завладеть которыми и пытаются ненасытные собственники. Средствами грабежа были долговременные аренды, обмен землей, прямой захват церковного имущества, занятие административных должностей в церкви. По акту 1559 г. епископам запрещалось сдавать епархиальные земли в аренду более чем на три жизни, или 21 год, или за меньший, чем обычно, размер ренты, но это не касалось арендных договоров с короной¹².

Акт 1559 г. об установлении единообразия в церковной сфере также определял права короны на имущество епархии в то время, когда она была вакантной, и разрешал обмен землями между короной и вакантными епархиями, предполагая при этом передачу епархиям принадлежавших короне прав на взимание десятины. Английский церковный историк начала XVIII в. Джон Страйп называл этот акт «актом о грабеже церкви»¹³. При Елизавете, бывало, подолгу держали вакантными епархии, и в эти годы доходы епархий шли короне. Большинство назначенных в постреформационный период по воле короны епископов были готовы пожертвовать частью своих доходов ради того, чтобы добраться до пользования имуществом епархии¹⁴.

Нелюбовь Елизаветы к женатым епископам К. Хилл тоже объяснял экономическими причинами: имевшие семьи епископы старались содержать их на церковные средства, которые королева хотела бы использовать для своих собственных фаворитов. Но не все епископы, как отмечает К. Хилл, были лишь жертвами давления, и некоторые активно пользовались своим положением, держали по совместительству бенефиции, сдавали в аренду на долгие сроки епархиальные маноры своим родственникам, брали большие файлы при сдаче земли в аренду, поскольку с файлов не взымались «первые плоды» и субсидии, которыми облагалось духовенство, пытались извлекать выгоды из эксплуатации месторождений полезных ископаемых в тех епархиях, где они были обнаружены¹⁵.

Получение взамен церковного имущества от короны церковью прав на взимание десятины в приходах не компенсировало материальных потерь. К тому же десятины бывало трудно собирать, поскольку можно было оказаться втянутым в утомительную судебную тяжбу, так что ренты бывало проще сдать фермерам, но за невысокую ренту. Деканы и соборные капитулы, бывало, освобождались от уплаты короне «первых плодов» или десятин, но это делалось в обмен на отчуждение ими земли и наносило ущерб имуществу епархии. Приходы многих священников росли в цене

вместе с ростом цен, а у епископов эти процессы отставали, так что доходность некоторых епархий даже упала ниже уровня времени Генриха VIII, и это делало епископов более зависимыми от короны. К. Хилл детально прослеживает доходы многих епархий, по которым видно, что епископам после уплаты всех платежей (десятины, субсидий по просьбе короны, хозяйственных расходов) оставалось от 200 до 400 фунтов, а некоторым, по их утверждениям, менее 100 фунтов¹⁶.

Современники считали, что духовенство в период Реформации было принижено государственной властью намеренно: по словам архиепископа Кентерберийского Уитгифта, светские лица хотели превратить духовных лиц в нищих, чтобы они оказались в полной зависимости, поскольку до Реформации епископы занимали место среди знати. Среди епископов при Елизавете по социальному происхождению были сыновья торговцев, ткачей, портных, йоменов, мелких джентльменов. Но претенциозность епископов в постреформационный период не уменьшалась – архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (1583–1604), например, считал себя вторым человеком в государстве¹⁷.

К концу правления Елизаветы у властей стало приходить понимание того, что если прежними темпами будет продолжаться грабеж церкви, скоро в епархиях не останется средств для того, чтобы поддерживать их существование, так что при Якове I в 1604 г. был принят акт, запрещавший архиепископам и епископам отчуждать земли епархий даже в пользу короны¹⁸.

Как писал К. Хилл, можно утверждать, что совокупный реальный доход всех духовных лиц в Англии в течение столетия после Реформации как минимум не увеличился, в то время как национальный доход в Англии этого времени заметно возрос. Духовные же лица не получали и 10% от национального дохода, особенно в больших городах и районах товарного сельского хозяйства¹⁹. К. Хилл делал на основе этого вывод, что в Англии в это время землевладельцы контролировали и эксплуатировали церковь²⁰.

К. Хилл отмечал, что духовенство платило налогов в процентном соотношении к общей численности населения страны больше, чем светские лица. До революции середины XVII в. одно духовное лицо приходилось примерно на 500 человек, и при этом духовенство, составлявшее 0,2% населения, платило более 25% прямых налогов в государстве. В результате Реформации доходы духовенства уменьшились примерно на 50%. Но при этом налогообложение не распространялось на штрафы, налагавшиеся церковными судами, так что высшее духовенство, считал К. Хилл, заметно недоплачивало налоги в соответствии со своими доходами, но поступления от штрафов были нерегулярны. Архиепископы также имели право требовать с духовных лиц взнос при вступлении в долж-

ность в их церковной провинции в размере 10% от годового дохода данного лица²¹.

Современники утверждали, что накануне открытия заседаний Долгого парламента епископы, предвидя нависшую над церковью угрозу, пытались начать заключать сделки по отчуждению церковного имущества, как это делали аббаты накануне диссольюции монастырей в середине 1530-х гг., и в 1641 г. светские лица получили много выгодных аренд²².

К. Хилл проделал огромную работу и предпринял впечатляющий синтез фактов в изучении экономических процессов, происходивших в ходе английской Реформации. Влияние работы К. Хилла «Экономические проблемы церкви» (1956) на последующее изучение истории религиозной Реформации в Англии состояло в том, что после ее появления понимание религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв. без учета экономических причин и аспектов Реформации уже не могло быть удовлетворительным. Концепция К. Хилла в понимании религиозной Реформации по своим методологическим подходам фактически является марксистской, но это марксизм без его политико-идеологического эсхатологического компонента, хотя у К. Хилла в работах середины XX в. явственно проявлялась склонность к политической риторике и критике власть имущих на историческом материале XVI–XVII вв.

К настоящему времени в изучении экономического положения церкви Англии реформационного периода проделана значительная работа, которая позволила углубить представления об отдельных вопросах, и эти исследования в немалой степени стимулировала работа К. Хилла²³.

Характерной чертой развития британской историографии во второй половине XX в. стало активное развитие региональных и локальных исследований, что проявилось также в изучении экономического положения церкви на примере конкретных епархий. Содержательную работу на региональном материале «Епископы Бата и Уэллза, 1540–1640. Социальные и экономические проблемы» (1967) опубликовала ученица известного либерального историка С.Т. Биндоффа Филлис Хембри, поднимавшая документацию из епархиального архива²⁴. Ф. Хембри исследовала имущество и доходы епархии: земли, месторождения свинца, рынки и ярмарки²⁵.

Ф. Хембри рассмотрела деятельность 13 епископов в 1540–1640 гг. и установила, что в постреформационный период епархия Бат и Уэллз теряла свою доходность. По данным предпринятой накануне диссольюции монастырей переписи церковного имущества «Valor Ecclesiasticus» 1535 г., годовые доходы епархии оценивались в 1 899 фунтов. Ко времени правления Елизаветы епархия Бат и Уэллз приносила доход всего в 533 фунта, а крупнейшими по доходам были епархии Кентербери – 3 903 фунта, Йорк – 2 609 фунтов, Винчестер – 2 400 фунтов, Лондон – 1 219 фунтов. Самой бедной была валлийская

епархия Сент-Асаф с годовым доходом в 187 фунтов. Ф. Хембри отмечает, что епископы в епархии Бат и Уэллз пытались поднять доходность своих земель путем более эффективного управления землевладельческими поместьями, но в целом эти усилия, в сущности, даже не компенсировали обесценение денег от инфляции, разворачивавшейся в это время. Епархия Бат и Уэллз пострадала от грабежа ее земельной собственности в результате Реформации едва ли не больше всех других, лишившись только в графстве Сомерсетшир в 1535–1560 гг. 16 маноров, и назначение сюда стало менее привлекательным для карьериста²⁶.

При Елизавете из-за давления на имущество епископа были потеряны в пользу короны более половины земель епархии. Епископы не имели поддержки со стороны королевы как верховной управительницы церкви и, как отмечает Ф. Хембри, по этой причине ожесточились, не хотели идти на сотрудничество с оппонентами²⁷.

Ф. Хембри рассмотрела, как епископы усиливали финансовое давление на арендаторов, повышали фэйны, облагали сборами в свою пользу рынки и ярмарки, увеличивали добычу и производство свинца²⁸, что наносило ущерб популярности и репутации епископов. Поэтому было неудивительным, что имения епископов, короны, роялистов в ходе гражданской войны были конфискованы и выставлены на продажу²⁹.

Значительным исследованием экономической жизни церкви Англии XVI в. в современной британской историографии является работа Ф. Хил «О прелатах и правителях: исследование экономического и социального положения епископата в правление Тюдоров» (1980)³⁰. Как отмечает Ф. Хил, накануне Реформации доходы архиепископа Кентерберийского были на одном уровне с доходами наиболее состоятельных представителей знати. Остальных епископов по социальному рангу сравнивали с герцогами, маркизами и графами, считая епископов лишь чуть ниже по достоинству, чем эти представители знати, но при этом располагая их в социальном статусе выше баронов. Средний годовой доход пэров королевства в 1534 г. составлял 921 фунт, а средний годовой доход епископов в 1535 г. составлял 1 050 фунтов. Только валлийские епископы по доходам напоминали джентри. Средний доход рыцаря в начале правления Генриха VIII составлял 204 фунта в год³¹.

Ф. Хил обратилась к рассмотрению важнейшего опубликованного источника для изучения экономического состояния церкви Англии в начальный период Реформации – переписи Valor Ecclesiasticus³². Сохранились переписи от всех епархий, кроме Йоркской, но для этой епархии в 1536 г. была составлена детальная перепись с оценкой имущества для совершения королевской визитации этого района. На этих материалах в свое время работал А.Н. Савин, исследуя вопросы, связанные с имуществом монастырей³³. Эти источники находятся на хранении в Государственном

архиве Великобритании: PRO E 36/114; SC 11/roll 766. По епархии Эли в Государственном архиве Великобритании материалов нет, но они сохранились в копии в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета Bodl., Tanner MS. 141, fos. 74 ff³⁴.

Ф. Хил удалось выявить на примере документов из епархии Эксетер, что епископы стремились немного преуменьшить свои доходы от некоторых маноров, от непостоянных доходов вроде продажи леса, чтобы уменьшить налогообложение. Ф. Хил на основе изучения *Valor Ecclesiasticus* составила таблицу годовых доходов в 21 епархии в Англии и Уэльсе, показав спектр доходов от наибольшего по епархии в Винчестерской епархии, составлявший 3 885 фунтов 3 шиллинга 3 3/8 пенса, до годового дохода в 131 фунт 16 шиллингов 3 1/2 пенса в епархии Бангор³⁵.

Согласно подсчетам Ф. Хил, после уплаты всех платежей чистый налогооблагаемый общий доход 21 английской и валлийской епархии (то есть без епархии Содор и Мэн на севере) по *Valor Ecclesiasticus* составлял 28022 фунта, а доход от духовных служб, включая права ректорства, примерно 3 450 фунтов³⁶.

В *Valor Ecclesiasticus* были занижены доходы епископов от вырубки лесов и добычи полезных ископаемых. Трудно было оценить в доходах епископов ту прибыль, которую они получали от земли, не сданной в аренду, с которой епископы получали сельскохозяйственную продукцию натурой, а также от файнов лизгольдеров, в недостаточной степени зафиксированных в епархиальной документации (они составляли по размерам 1–2 годовые ренты). Ведение собственного хозяйства не было значительным направлением в деятельности епископов, но они имели скот и выращивали сельскохозяйственные культуры. Значение таких доходов стало возрастать с 1540-х гг. с усилением инфляции. Во второй половине XVI в. епископы начали получать больше доходов в связи с увеличением файнов при аренде³⁷.

В большинстве епархий земельные ренты и доходы от маноров и ферм составляли по крайней мере 85% доходов от имущества. В среднем 8% доходов поступали от лесов, судебных сборов, нерегулярных и случайных платежей. Неучтенные и недооцененные доходы епископов составляли не более 5%, а в малоимущих епархиях еще меньше. Ф. Хил считает, что *Valor Ecclesiasticus* точнее отражает доходы бедных епархий, поскольку богатые имуществом епархии создавали больше возможностей для использования своего положения епископом с целью увеличения доходов. Случайные нерегулярные по характеру доходы в течение второй половины XVI в. возрастали у всех земельных собственников³⁸.

Наряду с доходами от имущества епархии, важны были также духовные доходы епископа, получаемые им за исполнение должности, состоявшие из дохода от ректорств, принадлежавших епископу, сборов и платежей, выплачивавшихся епископам

для исполнения ими своих служебных обязанностей (сборов во время совершавшихся раз в три года визитаций епархии (*procurations* и *sinodals*), доли от платежей за утверждение завещаний, платы за отпущения и утверждения в должности³⁹.

Свои накопленные средства епископы вкладывали в основание колледжей, школ, семейных часовен. Вложения капитала в землю среди епископов были не очень популярны, и только лишь если епископы могли кому-то передать землю по наследству, они стремились покупать маноры, но покупка земли епископами, отмечает Ф. Хил, все же не была редкостью. Большинство епископов предоставляли аренды епархиальной земли и должности в епархиальном управлении родственникам. Ф. Хил утверждает, что самой распространенной формой вложения средств среди епископов была покупка дорогой посуды из драгоценных металлов – этим можно было продемонстрировать состоятельность гостям за столом, в случае необходимости обращать ее в наличность, а также дарить и выделять на благотворительные цели. Среди епископов распространенной формой пополнения своих капиталов было также предоставление ссуд, которые они давали людям самых разных социальных состояний. Эти займы бывали беспроцентными, но предоставлялись также и торговцам на коммерческой основе. Предоставление займов давало епископам влияние в обществе⁴⁰. Различия в доходах между беднейшими и наиболее богатыми епархиями были огромными, но все епископы по статусу входили в верхнюю палату конвокации и заседали в парламенте. Более доходные епархии обычно предоставлялись королевской властью тем, кто оказал какие-то значительные услуги короне⁴¹.

Ф. Хил обращает внимание на то, что в реформационном парламенте уже с 1529 года в борьбе с духовенством сразу появилась экономическая составляющая: духовенству было запрещено брать в аренду фермы и торговать зерном и другой сельскохозяйственной продукцией, которая была выращена духовными лицами не в своем хозяйстве, то есть духовным лицам не давали заниматься перепродажей сельскохозяйственной продукции. В этом проявлялось влияние экономических интересов джентри и других депутатов нижней палаты парламента⁴².

В результате сделок 1540-х гг. епископы при Генрихе VIII потеряли земель на 3 700 фунтов, а компенсировали им земли на 2 850 фунтов, и часто компенсацию давали через несколько лет. Многие епархии во время этих обменов потеряли самые доходные маноры. Предоставленная в виде компенсации земля была обычно сданной в аренду на долгие сроки, и нужно было ждать, чтобы можно было взять вступительный фанн или фанн за обновление держания, причем эти фанны обычно шли в личное распоряжение епископа⁴³.

Как отмечает Ф. Хил, в правление Эдуарда VI епископат церкви Англии был еще сильнее подчинен

светской власти посредством создания специальных комиссий для контроля за тем, как епископы осуществляют управление епархиями. Радикальный реформатор Джон Хупер высказывал мнение, что епископам вполне можно оставить лишь четверть их состояния по епархиям, а остальное имущество направить на нужды образования, бедным, на военные дела для организации обороны государства. Но до ликвидации епископата дело не дошло, одной из причин чего Ф. Хил считает возможность для правящей группировки и так добиваться своих целей при малолетнем короле, поскольку такое масштабное мероприятие, как экспроприация земель епископов, могло вызвать борьбу за эти земли, которую было бы трудно удержать в рамках⁴⁴.

Режим Нортумберленда взял курс на проведение линии в отношениях с епископами, согласно которой епископов, особенно только что вступавших в должность, убеждали отказаться от части епархиального имущества. Джон Хупер, одновременно бывший епископом Глостерским и Вустерским, лишился даже 2/3 земель в пользу короны. Ф. Хил обращает внимание на то, что Нортумберленд получил от грабежа церкви меньше личных доходов, чем протектор королевства первых лет правления Эдуарда VI Сомерсет, но Нортумберленд поощрял борьбу за церковные маноры в своем окружении, стремясь таким путем укрепить свое влияние. В «Цюрихских письмах» религиозные реформаторы порицали алчность Нортумберленда, который, в свою очередь, обвинял в алчности епископов и духовное сословие⁴⁵. Нортумберленд, как полагает Ф. Хил, был вынужден смириться с грабежом церкви светскими лицами, чтобы таким путем обеспечить себе политическую поддержку в стране, при этом не растратив свои и королевские средства⁴⁶.

Мария Тюдор (1553–1558) после восшествия на престол уменьшила налоговые сборы с духовенства, но королевская власть по-прежнему нуждалась в субсидиях духовенства, а также требовала с духовенства налоговые недоимки. Ф. Хил считает, что попытки Марии Тюдор укрепить церковь, опять сделать ее независимой были обречены на неудачу⁴⁷. Восстановить имущественные права церкви в дореформационном варианте Мария не смогла. Епископы теперь также нуждались в опоре на королевскую власть для поддержания конформизма и единообразия, дисциплины в церкви, и даже в правление Марии не было признаков, что епископы смогут обойтись без поддержки королевской власти⁴⁸.

В 1547 г. годовые доходы епископов составляли примерно 30 000 фунтов, в 1553 г. они упали до 22 500 фунтов в год. В правление Марии годовые доходы возросли примерно до 28 300 фунтов, но это были только денежные доходы, при исчислении которых нужно учитывать инфляцию. В то же время изменялась структура доходов епископов – в 1535–1553 гг. доходы от ректорств, десятин и совершения духовных служб, визитаций

у епископов возросли от 12% до примерно 30% в общих доходах⁴⁹.

До середины правления Эдуарда VI, как считает Ф. Хил, церковные администраторы еще в полной мере не понимали происходившей в стране инфляции, что тоже служит одним из объяснений того, что епископы шли на предоставление долгосрочных аренд. На севере Англии рост цен на землю превратился в постоянную тенденцию только во второй половине XVI в.⁵⁰

Предполагают, что из-за инфляции реальный доход епископов в период 1535–1553 гг. упал на 61%⁵¹. Доля выплат епископов короне поднялась от четверти до трети их годовых доходов, и такая сумма взималась с них несколько лет подряд. В результате Реформации епископов почти перестали использовать на государственных должностях⁵². Как пишет Ф. Хил, в середине XVI в. английский епископат переживал кризисные времена: уменьшались политическое влияние епископов и их духовный авторитет, который оспаривался и королевской властью, и основными социальными группами в обществе. Была поставлена под сомнение даже необходимость существования епископата, а сохранявшееся в распоряжении епископов имущество обесценивалось в результате инфляции, было объектом притязаний светских лиц⁵³. Ф. Хил считает, что и во второй половине XVI в. инфляция, давление светских лиц на церковное имущество не давали возможности даже самым административно одаренным и способным епископам вернуть доходы церкви в реальном выражении к дореформационному уровню⁵⁴.

Ф. Хил обращает внимание на то, что, согласно акту, принятому в первый год правления Елизаветы (Elizabeth I с. 19), корона имела право в то время, когда епархия была вакантной, обменять принадлежавшие короне ректорства и десятины, которые оказались в распоряжении короны в результате Реформации, на имущество епархии. Епископы могли сдавать землю в аренду теперь только на 21 год, кроме тех случаев, когда землю арендовала корона. Этот акт вызвал большие опасения в церкви, но этот закон, как считает Ф. Хил, все же не был направлен только на то, чтобы иметь возможность отобрать у церкви нужное имущество: у церкви можно было забрать имущество только на такую сумму приносимого дохода, которая компенсировалась передачей епископу прав на ректорства и десятины на территории его епархии. В то же время среди светских лиц в правление Елизаветы было широко распространено мнение, что церкви не стоит предоставлять слишком много влияния, имущественных прав и средств⁵⁵. Считая себя вправе покушаться на собственность церкви, Елизавета субъективно всегда считала себя защитницей церкви, о чем постоянно упоминала в переписке с епископами. Елизавета подчеркивала, что дала епископам все, что у них есть, и только лишь иногда требует у них взамен часть материальных средств для государственных нужд⁵⁶.

Популярным средством оказания давления на епископов стало создание комиссий для поиска скрытых епископами при диссолюции монастырей земель, которые должны были перейти к короне. Деятельность лиц, которые искали скрытые земли, побудила епископов обратиться к парламенту, который в сессиях 1593 и 1597/98 гг. принимал акты, защищавшие епископов от таких самозванных искателей, но некоторые из них получали разрешение на свою деятельность от королевской власти⁵⁷.

В начале правления Елизаветы в защите земельных владений епископата преобладали аргументы, согласно которым на эти средства епископы могли бы поддерживать образование, оказывали бы гостеприимство, а в конце правления Елизаветы зазвучали аргументы, что епископам необходимы средства для поддержания порядка и стабильности в обществе в религиозной сфере. Для этого епископов должны были уважать в обществе, чтобы они могли на него влиять, и в начале XVII в. на этой основе, считает Ф. Хил, стало происходить определенное возрождение клерикализма⁵⁸.

Ф. Хил считает, что после 1560 г. королевская власть уже перестала злоупотреблять актом 1559 г. В дальнейшем основным средством эксплуатации епископальных земель стал не обмен имуществом с епархиями, а выгодные аренды епархиальных земель, предоставляемые через Елизавету наиболее важным придворным⁵⁹.

При Елизавете власти стали гораздо строже подходить к сбору налогов и субсидий с духовенства. На тех епископов, которые не вносили более половины причитающегося платежа, начинали воздействовать наложением ареста на имущество. Такие действия принижали авторитет епископов, поскольку с ними обращались, как с обычными должниками⁶⁰. У светских лиц в постоянный аргумент антиепископальной риторики превратились подозрения епископов в корыстолюбии ради своих семей, и эти обвинения, полагает Ф. Хил, в целом не были беспочвенными. Как установил Дж. Берлатски применительно к правлению Елизаветы, 24 из 78 сыновей епископов, о которых есть точная информация, стали по своему социальному статусу относиться к джентри, а из 28 человек, которые вошли в духовное сословие, только один остался простым приходским священником⁶¹. Епископы обычно стремились вывести одного-двух своих сыновей в статус джентри⁶². Дж. Берлатски установил, что в своих завещаниях епископы направили только 6 255 фунтов на развитие образовательных учреждений, бедным и на благотворительность, в то время как родственникам они оставили примерно 22 000 фунтов⁶³.

Источником заметных экономических трудностей было для епископов королевское налогообложение – в правление Елизаветы только 5 лет прошли для епископов без дополнительных к налогообложению платежей. Расположение Елизаветы по отношению к епископам зависело

от удачности приема во время визита королевы в епархию. Елизавета за гостеприимство прощала епископам недостаточную образованность, слабые административные способности. Гостеприимство также улучшало отношения епископа с джентри, проживавшим на территории епархии⁶⁴.

Как отмечает Ф. Хил, епископ в управлении епархией был фактически долгосрочным пожизненным арендатором епархиальных земель и не имел стимулов к тому, чтобы вкладывать большие средства в повышение их доходности, поэтому даже достойно удивления то, что в тех епархиях, в которых отчетная документация сохранилась хорошо, прослеживается повышение доходности епархиальных земель. Каноническое право требовало, чтобы четверть годового дохода епархии шла на поддержание в порядке имевшихся зданий, но на практике даже самые сознательные епископы не доводили свои расходы до такого объема⁶⁵.

С разрешения короны епископы при Елизавете могли держать земли *in commendam* (по совместительству) – так обеспечивались беднейшие валлийские епархии и епархии Рочестер, Честер, Карлайл. Но и другие епископы не отказывались от таких подарков со стороны власти, хотя они бывали короткими по срокам, предоставляемыми для материальной поддержки за какие-то расходы или для облегчения выплаты «первых плодов». Корона иногда разрешала епископам брать землю в аренду, изредка давала подарок в денежной форме⁶⁶.

Ф. Хил считает, что в имущество епископа при оценке его состоятельности надо включать принадлежавший епископам скот, зерно. Во второй половине XVI в. в Англии активизировалась добыча полезных ископаемых. Епископы Даремские не смогли извлечь выгоды из добычи угля на своей территории. Больше преуспели епископы в епархии Бат и Уэллз в получении выгод от добычи свинца, но это предприятие было не таким масштабным и давление, оказываемое светскими лицами, было не так велико. Активность епископа в экономических делах, как правило, ухудшала его отношения с местными светскими влиятельными лицами⁶⁷.

Ф. Хил приходит к выводу, что в жизни епископата при Елизавете бедность и долги были все же делом меньшинства епископов, а остальные жили вполне комфортно и завещали своим наследникам вполне достойное место в обществе. Сохранилось 51 завещание от 76 епископов, возведенных в сан при Елизавете. Ф. Хил составила сводные данные об имущественном состоянии епископов по завещаниям. 3000 фунтов и более оставили 9 епископов, сумму в пределах 3 000–1 000 – 15 епископов, 999–500 фунтов – 8 епископов, менее 500 фунтов – 10 епископов, а по 9 епископам есть данные о долгах и нет завещаний. Ф. Хил считает нужным отметить, что данные завещаний дают представление о состоянии епископов при смерти или накануне ухода из жизни, но из них нельзя установить, что имели, накапливали, потребляли, передавали по наследству епископы во время исполнения долж-

ности, так что наиболее состоятельные епископы могли иметь еще больше имущества, чем прослеживается по завещаниям и описям. Для решения вопросов об экономической состоятельности епископов нужно искать также сведения о том, каков был образ жизни того или иного епископа. Как считает Ф. Хил, только примерно четверть епископов в правление Елизаветы определенно испытывала постоянную нехватку средств, и при этом к концу правления Елизаветы материальное положение епископов по мере того как церковь Англии укреплялась, стало улучшаться. К концу XVI в., как считает Ф. Хил, епископы уступали крупнейшим представителям знати по размерам средств, выделяемых на оказание гостеприимства, строительство, но все же по доходам, как выявила Ф. Хил, епископы были вполне сопоставимы с наиболее состоятельными представителями знати и джентри: по данным 1602 г., 14 крупнейших пэров получали от ренты годовой доход в 3 660 фунтов и более, а следующая по размерам доходов группа в 24 человека из представителей пэрства и джентри получала годовой доход от 1 799 до 900 фунтов⁶⁸.

Поворотный пункт в исторических судьбах епископата в протестантской церкви Англии наступил в 1590-е гг., когда с выдвижением аргументов в защиту епископата как божественного установления епископат перестал рассматриваться просто лишь как удобная и подходящая к историческим условиям Англии форма церковного управления. Королевская власть также признала необходимость епископата для поддержания устоев общественного порядка, и в жизни епископов к 1603 г., как считает Ф. Хил, появилось ощущение, что напряженная для епископата атмосфера, созданная Реформацией, осталась в прошлом⁶⁹.

Таким образом, в современной британской историографии к настоящему времени, наряду с тем, что исследователи Реформации по-прежнему уделяют большое внимание ее религиозно-политическим аспектам, есть ряд работ, благодаря которым появилось более глубокое представление об экономической стороне Реформации, которую, как показали К. Хилл и Ф. Хил, тоже не следует упускать из виду.

Примечания

- ¹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993. P. 3–6.
- ² Hill C. Antichrist in Seventeenth-Century England. Oxford, 1971; *Idem*. The Century of Revolution, 1603–1714. 2nd ed. Berkshire.: Reinhold, 1988; *Idem*. Change and Continuity in the 17th Century England. Cambridge (Mass.), 1975; *Idem*. The Collected Essays of Ch. Hill. Religion and Politics in 17th Century England. L., 1986. Vol. 2; *Idem*. The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. Oxford, 1956; *Idem*. Intellectual Origins of the English Revolution. Oxford, 1965; *Idem*. Puritanism and Revolution. Studies in the Interpretation of the English Revolution of the 17th Century. L., 1958; *Idem*. Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1530–1780. L., 1968; *Idem*. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. N.Y., 1967.
- ³ См.: Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. Oxford, 1956.
- ⁴ См.: Savin A.N. English Monasteries on the Eve of the Dissolution. L., 1909. P. 100.
- ⁵ См.: Dietz F.C. English Government Finance, 1485–1558 // University of Illinois Studies in the Social Sciences. 1932. IX. № 3. P. 80–82, 138, 221.
- ⁶ См.: Willan T.S. The Parliamentary Surveys for the North Riding of Yorkshire // Yorkshire Archaeol. J. 1937. XXXI. P. 281; Kerridge E. The Movement of Rent, 1540–1640 // Econ. History Rev. 1972. 2nd Ser. VI. № 1. P. 33–34.
- ⁷ См.: Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. Oxford, 1956. P. 5.
- ⁸ См.: Leighton A. An Appeal to the Parliament, or Sions Plea against the Prelacy. L., 1628. P. 264.
- ⁹ См.: Hill C. Economic Problems of the Church.... P. 8.
- ¹⁰ Ibid. P. 9–11.
- ¹¹ Ibid. P. 12.
- ¹² Ibid. P. 14–23.
- ¹³ Strype J. Annals of the Reformation ... during Queen Elizabeth's Happy Reign. L., 1824. Part I. P. 142–143; Part II. P. 443.
- ¹⁴ См.: Hill C. Economic Problems of the Church.... P. 17.
- ¹⁵ Ibid. P. 18–21.
- ¹⁶ Ibid. P. 26.
- ¹⁷ Ibid. P. 27.
- ¹⁸ Ibid. P. 31–33.
- ¹⁹ Ibid. P. 108.
- ²⁰ Ibid. P. 115–121.
- ²¹ Ibid. P. 192–196.
- ²² Ibid. P. 315.
- ²³ См.: Scarisbrick J.J. Clerical Taxation in England 1485–1547 // JEH. 1960. XI P. 41–54; Hembry P. The Bishops of Bath and Wells, 1540–1640. L., 1967; Princes and Paupers in the English Church / Ed. R. O'Day and F. Heal. Leicester, 1981; Heal F. The Bishops and the Act of Exchange of 1559 // Histor. J. 1974. XVII. P. 227–246; *Idem*. The Tudors and Church Lands: Economic Problems of the Bishopric of Ely During the Sixteenth Century // Econ. History Rev. 1973. XXVI. P. 198–217; *Idem*. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. Cambridge, 1980; Cross C. The Economic Problems of the See of York: Decline and Recovery in the Sixteenth Century // Land, Church and People / Ed. J. Thirsk. Agricult. History Rev. Supplement. 1970. P. 64–83; Alexander G. Victim or Spendthrift? The Bishop of London and his Income in the Sixteenth Century // Wealth and Power in Tudor England: Essays Presented to S.T. Bindoff / Ed. E.W. Eves, R.J. Knecht and J.J. Scarisbrick. L., 1978. P. 128–145; O'Day R. The English Clergy: The Emergence and Consolidation of a Profession, 1558–1642. Leicester, 1979.
- ²⁴ См.: Hembry P.M. Op. cit.

- ²⁵ Hembry P.M. Op. cit. P. 1.
²⁶ Ibid. P. 254.
²⁷ Ibid. P. 3.
²⁸ Ibid. P. 258.
²⁹ Ibid. P. 255.
³⁰ См.: Heal F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. Cambridge, 1980.
³¹ Ibid. P. 72.
³² См.: Caley J., Hunter J. Valor Ecclesiasticus temp. Henrici VIII, Auctoritate Regia Institut. Record Commission, 1810–1834.
³³ См.: Savine A. English Monasteries on the Eve of Dissolution // Oxford Studies in Social and Legal History. Vol. I / Ed. P. Vinogradoff. Oxford, 1909. P. 88.
³⁴ См.: Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 52.
³⁵ Ibid. P. 53.
³⁶ Ibid. P. 54.
³⁷ Ibid. P. 55–58.
³⁸ Ibid. P. 60.
³⁹ Ibid. P. 62–63.
⁴⁰ Ibid. P. 67–69.
⁴¹ Ibid. P. 71.
⁴² Ibid. P. 101–102.
⁴³ См.: Scarisbrick J.J. Henry VIII. L., 1968. P. 413–417; Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 123.
⁴⁴ См.: Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 126.
⁴⁵ См.: Jordan W.K. Edward VI: The Threshold of Power. L., 1970. P. 377.
⁴⁶ См.: Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 147.
⁴⁷ Heal F. Of Prelates and Princes... P. 156–161.
⁴⁸ См.: Pogson R. Reginald Pole and the Priorities of Government in Mary Tudor's Church // Histor. J. 1975. XVIII. P. 3–20.
⁴⁹ См.: Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 180–185.
⁵⁰ Ibid. P. 188–190.
⁵¹ См.: Phelps-Brown E.H., Hopkins S. Seven Centuries of the Prices of Consumables // Economica. 1956. XCII (n. S. XXIII).
⁵² См.: Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 195–197.
⁵³ Ibid. P. 162–163.
⁵⁴ Ibid. P. 201.
⁵⁵ Ibid. P. 204–207.
⁵⁶ Ibid. P. 209–210.
⁵⁷ Kitching C.J. The Quest for Concealed Lands in the Reign of Elizabeth I // TRHS 5th Series. 1974. XXIV. P. 63–78; Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 214–215, 233.
⁵⁸ Ibid. P. 221.
⁵⁹ Ibid. P. 228.
⁶⁰ Ibid. P. 234.
⁶¹ См.: Berlatsky J.A. Marriage and Family in a Tudor Elite // J. of Family History 1978. III. P. 12.
⁶² См.: Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 245.
⁶³ См.: Berlatsky J.A. Op. cit. P. 18.
⁶⁴ См.: Heal F. Of Prelates and Princes.... P. 247–249, 256.
⁶⁵ Ibid. P. 271–273.
⁶⁶ Ibid. P. 278.
⁶⁷ Ibid. P. 291–297.
⁶⁸ Ibid. P. 313–315, 320.
⁶⁹ Ibid. P. 321–322.

УДК 9(73) «19»

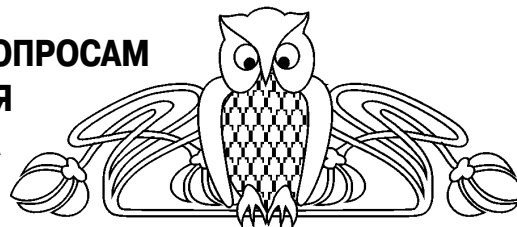
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АМЕРИКАНИСТИКА ПО ВОПРОСАМ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В ГОДЫ «НОВОГО КУРСА» Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА

А.А. Меньшикова

Саратовская государственная консерватория,
 кафедра гуманитарных дисциплин
 E-mail: menshikova_anna@mail.ru

«Новый курс» Рузвельта входит в число приоритетных тем исследований отечественных американистов. Если раньше интерес к событиям 30-х гг. XX в. был сугубо академическим, то на сегодняшний день отчетливо виден сдвиг в спектре проблем, привлекающих к себе внимание российских ученых. Речь идет о феномене «имперского президентства», результате административного реформирования Ф. Рузвельта. Данный дисбаланс в пользу усиления исполнительной власти сегодня является актуальной историко-политической проблемой для России. Однако в отечественной историографии этот важнейший сюжет исследован недостаточно. Проблема не получила сколько-нибудь серьезной разработки, были обозначены лишь ее контуры.

Ключевые слова: «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта, «имперское президентство», реорганизация исполнительной ветви власти,

чрезвычайные полномочия, административное реформирование.

Russian Researchers is Consider Reorganization of the Executive Branch in Years of Roosevelt's "New Deal"

A.A. Menshikova

F.D. Roosevelt's «New Deal» still stays among the favorite topics for Russian researchers. But the evolution in the approaches is absolutely clear: firstly the interest of the soviet historians was placed in the field of the pure science, but today we can establish the fact of the widening researcher's range. First of all in this case we have to talk about the phenomenon of «Imperial Presidency» as a F.D. Roosevelt's reforms result. This misbalance in the American state structure showed as a strengthening of the executive power's branch is an actual problem both for researchers and politicians of Russian Federation. However this major theme is investigated insufficiently in